

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 250–256, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-250-256
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.21

The Cult of Reason in Karachay-Balkar Fairy Tale of Everyday Life

Burhan A. Berberov¹

¹ Ph. D. of Philology, Senior Scientist of the Karachay-Balkar Folklore Sector at Kabardino-Balkarian Institute for Humanities of the RAS (Nalchik, Russian Federation). E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Abstract

The era of globalization with particular clarity shows the unity of the world of culture, where domestic and foreign folklore and literature are connected by invisible threads. Based on this thesis, the author puts forward the concept that the ideas of the Enlightenment era of the 18th century indirectly influenced the formation of the North Caucasus “educational” tales as well as the intensive development of this folklore sub-genre.

As the subject of artistic analysis the author elected specific stories dedicated to the cult of reason which is the highest ontological and anthropological value. Among them there are such tales as “Smart Teacher”, “Smart girl”, “Mind of a five year old boy”, “Wealth, Happiness, Mind” and others. Besides, there are gender marked tales among them which demonstrate the power of the female mind. The children’s tales of scientific and educational content such as “Why salty?”, “Where is the navel of the earth?” play an important role in the Karachay-Balkar folklore. The author concludes that we can draw logically valid historical and cultural parallel between the oriental tales of modern times and the Enlightenment ideology.

As a result of the research it can be concluded that the thematic center of Karachay-Balkar social and everyday tales is the cult of reason, the cult of understanding the world. In folk axiology the mind has always been held in high esteem. But enlightenment ideas played a significant role in the intensification of “intelligent plot” in world folklore, including oral folklore of the mountaineers of the North Caucasus.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, fairy tales of everyday life, cult of reason, enlightenment ideas, didactics.

Жанр бытовой сказки занимает одну из ключевых позиций в сказочном репертуаре любого народа. Благодаря ведущим зарубежным и отечественным сказковедам (В. П. Аникин, Е. Б. Вирсаладзе, Б. П. Кербелите, Э. В. Померанцева, В. Я. Проппа и др.) глубоко и обстоятельно рассмотрены многие общетеоретические вопросы, связанные с историей возникновения бытовой сказки как фольклорного жанра, ее композиционно-стилистическими особенностями, экспрессивными средствами.

На современном этапе наиболее актуальной задачей представляется изучение форм бытовой сказки, в которых преломлены некоторые элементы этнической культуры, находят отражение национальные координаты бытия, в том числе ценности духовного порядка. Подчеркивая необходимость системного изучения национальных сказок, в одной из своих работ В. Я. Пропп отмечает: «Создание сравнительной фольклористики в мировом масштабе есть дело довольно далекого будущего. Для этого нужны предпосылки. Одна из них — полное овладение прежде всего национальным материалом» [Пропп 1984: 26]. Для восполнения одного из «предпосылочных» вопросов в данной статье предпринята попытка изучения специфических особенностей карачаево-балкарской бытовой сказки, определения ее тематического центра.

Начало научному исследованию карачаево-балкарских сказок (в том числе бытовых) положил венгерский фольклорист В. Прёле, еще до революции издавший около двух десятков сказок в оригинале с соответствующими краткими комментариями [Карачаево-балкарский... 1983].

Серьезным вкладом в историю национального сказковедения стало двухтомное издание «Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула» («Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания») [Къарачай-малкъар... 2003], объединившее материал предыдущих сборников, а также значительную часть архивного фонда Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

На сегодняшний день наиболее полным сводом карачаево-балкарских сказок является двухтомный сборник «Къарачай-малкъар халкъ жомакъла» («Карачаево-балкарские народные сказки») [Къарачай-малкъар... 2012а], составителем которого является С. Мусукаева. Его отличительная особен-

ность — научно обоснованная классификация представленных текстов по жанровым характеристикам. Впервые в издательской практике в самостоятельный раздел здесь выделены национальные бытовые сказки под названием «Жашау-турмуш жомакъла» («Социально-бытовые сказки»).

В 2010 г. во Владикавказе опубликована монография северокавказского фольклориста и литературоведа Ф. А. Урусбиевой «Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии» [Урусбиева 2010а: 5], где впервые крупным планом представлена внутрижанровая классификация национальной бытовой сказки. Примечательно, что с учетом этнокультурных особенностей горского фольклора автор дополняет состав бытовых сказок разновидностью пастушеской сказки. В качестве новаторской черты ученого можно отметить также ее обращение в исследовательской практике к гендерному аспекту бытовой сказки.

Культуролог Г. Д. Гачев в свое время выдвинул теорию «ускоренного развития», согласно которой «многие народы Восточной Европы, советского и зарубежного Востока, Африки и Латинской Америки, задержавшиеся в силу тех или иных причин в своем развитии, в определенный момент пробуждаются к новой исторической жизни, включаются в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то и перегоняя другие страны, народы и культуры» [Гачев 1989: 4].

Поддерживая и развивая точку зрения Г. Д. Гачева, отмечаем тот факт, что ускорение «задержавшегося» соучастника начинается не с нулевой отметки. При всей неравномерности развития мировой культуры все же существовала некая единая параллель, распространявшая «вечное, доброе, разумное» во все относительно просвещенные уголки земли. Благодаря духовным паломничествам, путешествиям, торговым путям народы не жили в полной изоляции друг от друга, поэтому отголоски культурных достижений на одном полюсе рано или поздно доходили до окраин. Энергия «новой эстетики» оседала в печатных изданиях «ближнего и дальнего зарубежья», в условиях же отсутствия письменности благодарным преемником «культурных новостей» становилась фольклорная система.

На наш взгляд, в этом отношении литература и фольклор всегда являли собой подо-

бие «сообщающихся сосудов» и не только в рамках единой этнокультуры, но и общемирового исторического процесса, «который в своих бесчисленных и разнообразных звеньях являет целостность, единство» [Гачев 1989: 9]. Панорамно-масштабный взгляд на единый «спектакль» мировой культуры позволяет увидеть закон художественных параллелей: наиважнейшие точки, маркирующие поступательное движение духовной словесности, прямо и косвенно отпечатаны в фольклорных текстах разных народов. Суть выдвигаемой нами теории сводится к тому, что «длинные волны» европейского ренессанса, классицизма, сентиментализма, барокко, Просвещения и других литературно-художественных направлений достигали фольклорного сознания различных племен и народов мира, отпечатываясь в тематике и логике устных и письменных текстов.

Один из самых культуuroобразующих отрезков цивилизационной истории человечества приходится на эпоху Просвещения. «Постулированная европейскими просветителями необходимость внести свет разума в человеческую жизнь, опираться не только на веру, авторитет, обычай, но на разумное и самостоятельное суждение формировала особое отношение деятелей Просвещения к интеллектуальной, духовной традиции, стимулировала борьбу с предрассудками, повышала интерес к проблемам воспитания и образования людей» [Литературная энциклопедия 2003: 824].

Характерно, что корневая основа «свет» содержится в названиях данного интеллектуально-философского движения на самых разных языках — Enlightenment (англ.), Les Lumières (франц.), Illuminismo (итал.). Исключением не является и карачаево-балкарское название «Джарыкъландырыу», где слово «джарыкъ» (свет) призвано обозначить «свет нового времени», «знания», «ясность разума».

В XVII–XVIII вв. просветительские идеи (в широком смысле этого выражения) охватывают все мировое культурное пространство. В трудах профессиональных философов и когнитивном сознании народов возникает и постепенно утверждается мысль о необходимости переустройства существующего миропорядка, признании разума необходимой основой жизнедеятельности социума, гарантом счастливого и гармоничного бытия. Согласно принципу синхронного творчества, логично допустить, что в пе-

риод, когда французские энциклопедисты (Вольтер, Дидро, Монтескье и др.) создавали свои просветительские философские труды и воспитательные романы, в активную фазу вступали просветительские идеи и в устном народном творчестве бесписьменных народов. Об этом можно судить по активизации рационалистической темы, темы разума в мировой фольклорной системе, в том числе и карачаево-балкарских сказках.

При этом важно отметить, что просветительская идеология пронизывает все сказочные поджанры (волшебные, сказки о животных и т. д.), хотя наибольшую ориентированность к культу разума обнаруживают бытовые сказки. Данный факт, по нашему мнению, объясняется относительно поздним возникновением жанра бытовой сказки, ее приверженностью новеллистической традиции, связью с городским фольклором, интенсивностью межличностных отношений в семейной и социально-духовной практике. «Новое время» повсеместно порождает новых общественных и профессиональных деятелей (учитель, лекарь, судья, священнослужитель, казначей и т. д.). Усложнившиеся коммуникативные модели от фигурантов требуют решения многих новых задач, успешный исход которых зависел от разума, этикета, смекалки, общей высокой культуры поведения. Как отмечает Ф. А. Урусбиева, для карачаево-балкарских пословиц просветительского культурного слоя характерны акцентированные пословицы о знании: «Ёмрюнде бир жангыз китап окъугъан адам бла ёчешгенден кыйын зат жокъду» ('Нет ничего труднее, чем спорить с человеком, прочитавшим одну единственную книгу'); «Илмуну, кимни къапчыгъында тапсанг да, ал» ('Знания, в чем бы хурджине ты не нашел, бери'); «Кючбирнижыгъар, билиммингнижыгъар» ('Сила — одного одолеет, а знание — тысячу человек одолеет') [Урусбиева 2010б: 196–197].

В количественном отношении самым обширным в сборнике «Къарачай-малкъар халкъ жомакъла» («Карачаево-балкарские народные сказки») [Къарачай-малкъар... 2012а] является раздел «Жашау-турмуш жомакъла» («Бытовые сказки»), состоящий из 114 текстов. По количественным показателям, тематическое большинство из них посвящено идеализации разума как верховной ценности духовно-интеллектуального порядка. О культе разума в карачаево-балкарских сказках можно судить даже по заголов-

кам: «Акьылгъа тюшоннген» («Обретший разум»), «Билгичле» («Знахари»), «Акьыллы кьыз бла юч соруу» («Умная девушка и три вопроса»), «Акьыллы кьыз» («Умная девушка»), «Акьыллы устаз» («Умный учитель»), «Бешжыллыкъ жашчыкьны акьыллылыгы» («Разум пятилетнего мальчика»), «Акьыллы кьызчыкъ» («Умная девочка»), «Акьыллы кьыз бла тели жаш» («Умная девушка и глупый парень»), «Акьыллы сохта» («Умный ученик»), «Жыйы-чечен бла акьыллы Къарачач» («Чеченец-мастер и умная Карачач»), «Акьыллы киши» («Умный мужчина»), «Акьыллы келин бла жашчыкьла» («Умная сноха и мальчики»), «Малдан акьыл игиди» («Разум лучше, чем богатство»), «Байлыкъ, насып, акьыл» («Богатство, счастье, разум») и др.

Приведенный нами список показывает, что даже на уровне заголовков в народном сознании отпечатана аксиология разума. Встречаются сказки и с концептом «глупость» в заголовке, где методом от противного опредмечивается отрицаемый морально-этический человеческий порок, к примеру «Бир жашны тели анасы» («Глупая мать одного юноши»).

Мотив превосходства интеллекта над физической силой является довольно распространенным в архаичных сказочных текстах мирового фольклора. В их числе и карачаево-балкарские сказки. Ярким примером такого «интеллектуального» повествования является сказка «Умный мальчик и великан», где главный герой смекалкой, хитроумием побеждает великана с недюжинной силой. Во время решающих состязаний мальчик незаметно от противника берет в руки сыр вместо камня и выжимает из него воду. Эмеген же «взял самый большой белый камень, да только ничего не смог с ним сделать» [Народные сказки 2003: 204].

Указанный нами мотив «умной силы» из волшебных сказок плавно переходит в сферу социально-бытового эпоса, освободившись от фантастических элементов и утвердив свое реалистическое начало. Так, подлинное дитя эпохи Просвещения узнается в малолетнем персонаже карачаево-балкарской бытовой сказки «Смышленный мальчик» [Народные сказки 2003: 230], который, обладая навыками дедуктивного мышления, может разгадывать скрытый смысл знаков мироздания. Внимательный ребенок теоретически вычисляет, что пропавший осел был слеп на один глаз, хромал

на правую заднюю ногу и нес на спине мешок с овсом. Делясь с судьей ходом своих логических суждений, он говорит: «След правой задней ноги меньше, а шаг короче, чем у остальных. Тут любой человек понял бы, что осел хромал на заднюю правую ногу. Дальше я заметил, что с правой стороны дороги трава съедена, а с левой даже не тронута. Если бы осел видел траву на левой стороне дороги, он пощипал бы и ее. Значит, тот осел слеп на левый глаз. Пошел я дальше и вижу: на ветках дерева остались нитки от мешковины, а под деревом рассыпан овес. Видно, осел остановился возле дерева, почесался об него — овес и рассыпался» [Народные сказки 2003: 232].

В сказках «нового» времени всячески подчеркивается идея целесообразности быть разумным, обладать знаниями. И, наоборот, из-за невежества человек может пострадать, лишиться доброго имени, своего состояния. Так, в сказке «Как бедняк делил курицу» [Народные сказки 2003: 228] напрямую пропагандируются арифметические познания, благодаря которым бедный крестьянин при дележе кур богача оставляет в дураках, а сам выигрывает: «В твоей семье, почтенный, четыре человека: ты, жена, дочь и сын. А я — один на белом свете. Вот и надо поделить кур по справедливости. Если я дам тебе одну курицу, станешь ты пятеро; если себе возьму четыре курицы, нас тоже будет пятеро» [Народные сказки 2003: 230]. Немало сказок, в которых дилемма «ум или богатство» решается в пользу ума. В одной из них с характерным названием «Счастье, ум и богатство» народным сознанием выстраивается социально и нравственно оправданная иерархия базовых ценностей общества. Персонифицированная триада философских категорий спорит, кто из них важнее для человека. Богатство покрыло все поле бедняка золотыми самородками. Счастье подарило ему ханскую дочь, «красавицу из красавиц». Но едва Ум, доказывая свое могущество, покидает голову юноши, тот в одночасье растранил свое состояние и по причине глупости не выдержал статус ханского зятя [Народные сказки 2003: 250–251].

К бытовым сказкам новеллистического типа можно отнести карачаево-балкарскую сказку «Акьыллы устаз» («Умный учитель») [Къарачай-малкъар... 2012а: 401], где идеализируется образ просвещенного человека. Сказка в сказке — так можно опреде-

лить композиционную особенность данного двухкомпонентного текста. Учитель, к которому ночью в дом забрались грабители, рассказывает им длинную сказку о мальчике, которого звали Болушлукъ (Помощь). Увлеченные сюжетом слушатели даже не заметили, когда в один момент учитель, изображая в лицах мать героя, крикнул: «Болушлукъ! Болушлукъ!». От его крика проснулись школяры и задержали преступников [Къарачай-малкъар... 2012б: 349]. Идеино-философский и дидактический смысл данной сказки сводится к тому, что вовремя изреченным словом, знаниями можно спасти себе жизнь. Проблеме коммуникативной культуры, ценности точного слова, произнесенного в нужный момент, посвящена сказка «Сангырау элде» («В селении глухих») [Къарачай-малкъар... 2012а: 316]. По логике этой просветительской сказки-притчи, аул приходит в полное разорение из-за того, что люди глухи к высказываниям соседей, а те, в свою очередь, говорят невпопад, без учета интересов адресата.

Отдельный самостоятельный цикл в карачаево-балкарском фольклоре составляют сказки об умных женщинах. С одной стороны, они тематически восходят к нартскому образу Сатанай — мудрейшей, всезнающей прародительницы народа. С другой — в них ощутим отголосок идеологии просветителей, «не забывающих о леди», провозглашающих права женщин. Во многих сказках подчеркивается иноприродность интеллекта женщины, обладающей глубокой интуицией, способной видеть тайный смысл вещей. Образ такой женщины, выражающейся иносказаниями, воссоздается в сказке «Умная девушка». На вопрос, где ее родители, она отвечает: «Отец сел на восьминогую и уехал к родственникам, а мать ушла туда, где вечно кипит работа» [Карачаево-балкарские... 2006: 163]. В переводе на житейский язык зашифрованный текст означает: «Отец уехал к родственникам на беременной кобыле, а мать ушла на мельницу» [Карачаево-балкарские... 2006: 164].

В фольклорной эстетике многих народов бытует мнение о том, что морально-нравственный климат семьи и социальный авторитет мужа в основном зависят от хозяйки дома. Данная тема положена в основу бытовой сказки «Акъыллы къыз бла тели жаш» («Умная девушка и глупый юноша»). В сказке показано, как царская дочь, которую отец намеренно в испытательных целях

выдает замуж за безумца, благодаря своему аналитическому уму в короткий срок преобразует своего супруга. Люди, которые еще недавно жалели несчастную девушку из-за неравного брака, теперь с восхищением смотрят на ее красивого, богатого, умного мужа [Къарачай-малкъар... 2012а: 426].

Женский ум и нравственность — неразделимые понятия, судя по просветительским сказкам балкарцев и карачаевцев. Словом *намыс* горцы Кавказа обозначают «высокую мораль», «совесть», «человечность», «честь». В сказке «Намыс» опозитизировано нравственное сознание юной невестки, которая из всех мыслимых богатств мира выбирает *намыс*, справедливо решив, что «где *намыс*, там и счастье» [Народные сказки 2003: 253].

Особую категорию «сказок для почемучек», направленных на развитие человеческого разума, составляют сказки познавательного характера, имеющие примечательные названия, например, «Луна золотая или серебряная?» [Карачаево-балкарские... 2006: 223], «Почему море соленое?» [Карачаево-балкарские... 2006: 229], «Почему у зайцев рассеченные губы?» [Карачаево-балкарские... 2006: 232], «Где пуп земли?» [Карачаево-балкарские... 2006: 221], «Почему молока стало меньше» («Сют нек таркъайгъанды?») [Къарачай-малкъар... 1999: 403] и т. д. Для всех этих сказок характерно эвристическое начало, представляющее собой синтез мифопоэтических и естественнонаучных объяснений.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что тематическим центром карачаево-балкарских социально-бытовых сказок является культ разума, познания мира. В народной аксиологии ум всегда был в почете. Но просветительские идеи сыграли заметную роль в интенсификации «интеллектуального сюжета» в мировом фольклоре, в том числе устном народном творчестве горцев Северного Кавказа.

Литература

- Гачев Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Худ. лит., 1989. 431 с.
 Карачаевские и балкарские народные сказки / сост. и обраб. Х. Лайпанов. Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1957. 87 с.
 Карачаево-балкарские народные сказки / сост., вступит. ст. и коммент. Р. А.-К. Ортабаевой. Черкесск: КЧИГИ, 2006. 267 с.

- Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., предисл. и коммент. А. И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1983. 431 с.
- Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула: карачаево-балкарские сказки, легенды, предания: в 2 т. Нальчик: Эльбрус, 1999. Т. 1 / сост., предисл. Т. М. Хаджиевой. 472 с.
- Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула: карачаево-балкарские сказки, легенды, предания: в 2 т. Нальчик: Эльфа, 2003. Т. 2 / сост., предисл. Т. М. Хаджиевой. 472 с.
- Къарачай-малкъар 2012а — Къарачай-малкъар халкъ жомакъла: карачаево-балкарские народные сказки: в 2 кн. Нальчик: Эльбрус, 2012. Кн. 1 / сост. С. А. Мусукаева. 592 с.
- Къарачай-малкъар 2012б — Къарачай-малкъар халкъ жомакъла: карачаево-балкарские народные сказки: в 2 кн. Нальчик: Эльбрус, 2012. Кн. 2 / сост. С. А. Мусукаева. 584 с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН; под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. 1600 стб.
- Народные сказки балкарцев и карачаевцев / сост. А. И. Алиева. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2003. 256 с.
- Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 335 с.
- Урусбиева 2010а — Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии: монография. Владикавказ: ИПОСО-ИГСИ, 2010. 125 с.
- Урусбиева 2010б — Урусбиева Ф. А. Уровни чтения: сб. ст. Нальчик: Эльбрус, 2010. 248 с.
- komment. A. I. Alievoy* [Karachay-Balkar folklore in the prerevolutionary records and publications. Comp., foreword and comment. by A. I. Aliyeva]. Nal'chik, El'brus, 1983. 431 p. (In Russ.).
- Karachaj-malkar zhomakla, tauruhla, ajtyula* (Karachaevo-balkarskie skazki, legendy, predaniya): v 2 t. [Karachay-Balkar tales, legends, stories] in 2 volumes]. Nal'chik, El'brus, 1999. Vol. 1. Comp., foreword by T. M. Khadzhieva. 472 p. (In Karachay Balkar).
- Karachaj-malkar zhomakla, tauruhla, ajtyula* (Karachaevo-balkarskie skazki, legendy, predaniya): v 2 t. [Karachay-Balkar tales, legends, stories: in 2 volumes]. Nal'chik, El'fa Publ., 2003. Vol. 2. Comp., foreword by T. M. Khadzhieva. 472 p. (In Karachay Balkar).
- Karachaj-malkar 2012a — *Karachaj-malkar halk zhomakla* (Karachaevo-balkarskie narodnye skazki): v 2 kn. Kn. 1. Sost. S. A. Musukaeva [Karachay-Balkar folk tales: in 2 books. Book 1. Comp. S. A. Musukaeva]. Nal'chik, El'brus Publ., 2012. 592 p. (In Karachay Balkar).
- Karachaj-malkar 2012b — *Karachaj-malkar halk zhomakla* (Karachaevo-balkarskie narodnye skazki): v 2 kn. Kn. 2. Sost. S. A. Musukaeva [Karachay-Balkar folk tales: in 2 books. Book 2. Comp. S. A. Musukaeva]. Nal'chik, El'brus Publ., 2012. 584 p. (In Karachay Balkar).
- Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij* [Literary encyclopedia of Terms and concepts]. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Pub., 2003. 1600 c.
- Narodnye skazki balkarcev i karachaevcev. Sost. A. I. Alieva* [Folk tales of Balkar and Karachay. Comp. A. I. Alieva]. Moscow, Edition of the anthology "Russian archive", 2003. 256 p.
- Propp V. YA. *Russkaja skazka* [Russian fairy tale]. Leningrad, Leningrad State University Publishing House, 1984. 335 p.
- Urusbieva F. A. (2010 a) *Karachaevo-balkarskaja skazka. Voprosy zhanrovoj tipologii: monografija* [Karachay-Balkar tale. The questions of genre typology: monograph]. Vladikavkaz, V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies Pub., 2010. 125 p.
- Urusbieva F. A. (2010 b) *Urovni chtenija: sb. st.* [Levels of reading: the collection of articles]. Nal'chik, El'brus Publ., 2010. 248 p.

References

- Gachev G. D. *Neminuetoe. Uskorennoe razvitie literatury* [Imminent. The accelerated development of literature]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1989. 431 p. (In Russ.).
- Karachaevskie i balkarskie narodnye skazki. Sost. i obrab. H. Lajpanov* [Karachai and Balkar folk tales. Comp. by H. Laipanov]. Frunze, Kirg. State Publishing House, 1957. 87 p. (In Russ.).
- Karachaevo-balkarskie narodnye skazki. Sost., vstupit. st. i komment. R. A.-K. Ortabaevoy* [Karachay-Balkar folk tales. Comp., introd. article and comment. by R. A.-K. Ordabaeva]. Cherkessk, KChIGI, 2006. 267 p. (In Russ.).
- Karachaevo-balkarskij fol'klor v dorevoljucionnyh zapisjah i publikacijah. Sost., predisl. i*

УДК 398.21

КУЛЬТ РАЗУМА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ БЫТОВОЙ СКАЗКЕ

Бурхан Абуясуфович Берберов¹

¹ доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований РАН (Нальчик, Российская Федерация). E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Аннотация. Наступившая эра глобализации с особой отчетливостью показывает единство мировой культуры, где незримыми нитями связаны фольклор и литература, отечественное и зарубежное. Отталкиваясь от этого тезиса, автор статьи выдвигает концепцию о том, что на формирование северокавказских «просветительских» сказок и интенсивное развитие данного фольклорного поджанра косвенное влияние оказали идеи эпохи Просвещения XVIII в.

Предметом художественного анализа автором избраны специфические сказки, посвященные культу разума как высшей онтологической и антропологической ценности. Среди них сказки – «Умный учитель», «Умная девочка», «Разум пятилетнего мальчика», «Богатство, Счастье, Разум» и другие. Среди рассматриваемых «просветительских» сказок особое место занимают гендерно маркированные сказки, утверждающие силу женского разума. Важная ниша в карачаево-балкарском фольклоре также отведена детским сказкам научно-познавательного содержания: «Почему соленые?», «Где пуп земли?» и т. д. По мнению автора, можно провести логически обоснованную историко-культурную параллель между восточными сказками «нового времени» и идеологией Просвещения.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, бытовые сказки, культ разума, просветительские идеи, дидактика.